

о себе и своей живописи

Кафе. 2005

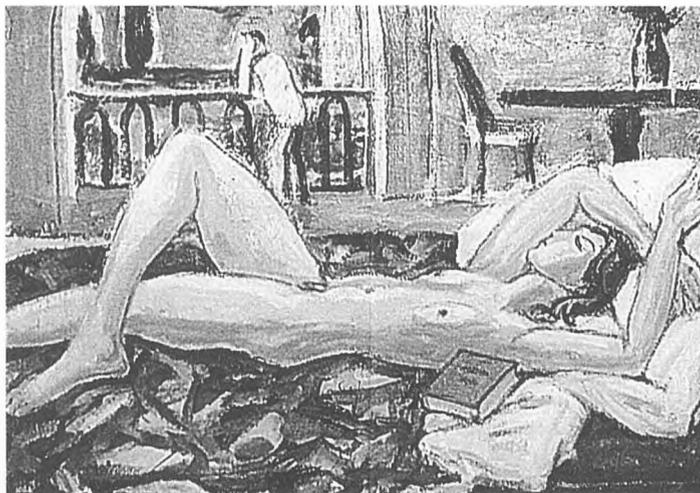
Вакханалия. 2005

Я родился в 1931 году в Вологде. Воспитывался отцом и улицей, но больше – книгами. Мальчишкой приработывал перерисовкой солдатских фотографий, Окон ТАСС, плакатов. Любовь к искусству пробудил старший брат Вячеслав, одаренный в музыке, живописи, технике. Я тяжело пережил его гибель на фронте и всегда помню его напутствие. Пробовал после школы поступить в московский институт кинематографии, но там не поверили, что привезенные рисунки – мои. Я долго искал себя, окончил два института и две аспирантуры – по истории и искусствоведению, работал историком, искусствоведом, пока, наконец, с 1976 года не обратился к живописи. Она и стала моим главным выбором в жизни. Моя известность критика и искусствоведа какое-то время мешала другим увидеть во мне художника.

Люблю цвет и энергию письма, власть большой формы, поэтому мне близок русский и французский авангард начала XX века и, конечно, наша великая иконопись. Начав с натурного письма, с пейзажей и натюрмортов, я вскоре пресытился природой и почти целиком перешел к живописи «умозрительной», но с эффектом «присутствия» в этой сочиненной реальности. Тем и хороша живопись, что в ней можно воплощать проблемы бытия зримо, ощущать пространство и время через глаз и руку, выбором средств выражения, всем инструментарием художника. Плоскость холста словно бросает мне вызов. И я использую все средства «воздействия» на полотно: от «взъерошенной» кисти, ножа до пальцев и тряпки. Все идет в ход, и остается немного – завоевать зрителя. Самой пластикой, не отвле-

История любви. 2005

каясь на мелочи сюжета. Такую чистоту пластики нахожу в натюрморте, в моем театре вещей. Мои столы – сценические площадки предметов, связанных родством, дружбой или конфликтом. Мои вещи пришли из арсенала искусства, старого и нового, я стремлюсь придать им новый современный знаковый облик, новые «маски» букетов, сосудов, утвари, кабинетной скульптуры. Так построены мои натюрмортные «парады», шествия, предстания вещей, с намеченными мною ролями и значением этих немых персонажей. Средством выхода в пространство является частое соединение у меня натюрморта с пейзажем или интерьером. Главное для меня – найти психологическую, а значит, и художественную трансформацию объекта, будь то «букет» из ложек или инструментов, «угрюмый» или «веселый» чай-

ник, «солидная» или «простодушная» ваза, «свойский» или «чопорный» стол.

Во имя самооценки композиции стараюсь избегать поворотов или вариантов замысла. Кстати, многое мне в этом смысле дали режиссерские разработки и мемуары постановщиков в театре. И пока холст в мастерской, он постоянно редактируется, очищается от промахов в живописи, а часто и полностью переписывается.

Работаю без эскизов, на-бело, ибо так лучше ощутим живой процесс письма. И то, что мои работы стали вызывать интерес у собратьев по живописи и у знатоков, еще больше, как говорится, налагает ответственность. Во всяком случае, живопись для меня – и радость, и мука, сомнение и открытие, которое, я надеюсь, небесполезно и для других.

Лев Дьяконович

Тост. 2005

